

КХ
ИНОСТРАННАЯ

Литература

2

1959

Л. Никулин

СПОР О ЧЕХОВЕ

Прошло более полувека со дня кончины Чехова. Творчество его по-прежнему привлекает внимание наших и зарубежных писателей. О нем пишут, спорят, он остается *современным* писателем, русским и всемирным. Споры о Чехове с особой силой разгорелись после гастролей Московского Художественного театра в Лондоне.

Летом 1958 года мне довелось побывать в Англии, и мои лондонские собеседники рассказывали, что сейчас у них в стране происходит нечто подобное тому, что они видели на сцене, в пьесе «Вишневый сад». Пустеют усадьбы, парки, сады, которые охраняла строгая надпись «private» (частное), усадьбы, переходившие из рода в род. Их покупают богатые американцы или компании, которые содержат отели для туристов.

Читая суждения западных писателей о творчестве Чехова, разумеется, испытываешь гордость за нашу литературу. Однако не все написанное о Чехове убеждает нас в том, что великий русский писатель правильно понят. Неверные суждения о Чехове на Западе сочетаются с неверными суждениями о русском народе и России.

1

Слава Чехова в Англии, где особенно ценят этого писателя, родилась еще полвека назад. В 1909 году, через пять лет после смерти писателя, Арнольд Беннет записал в своем дневнике: «Все больше поражает меня Чехов, все больше склоняюсь к тому, чтобы писать много рассказов той же техники».

Исследователь Чехова, поэт и журналист Ф. Томлинсон, объясняя любовь английских писателей к Чехову и Толстому, писал: они «люди того же масштаба, что и представители нашей шекспировской эпохи».

Джон Голсуорси писал в 1928 году: «В течение последних двадцати лет самым могучим магнитом для молодых писателей многих стран был Чехов».

«Ничье творческое наследие не расценивается теперь так высоко лучшими критиками, как наследие Чехова. Восхищаться им это признак хорошего вкуса... Не любить его значит объявить себя филистером», — писал Сомерсет Моэм в предисловии к «Altogether» («В целом»).

В другой своей книге «Summing up» («Подводя итоги») Моэм высказывает уже иные взгляды. И чем больше вдумываешься в то, что пишет он в этой книге о Чехове, тем более неубедительной, а иногда глубоко неверной представляется его оценка творчества замечательного русского писателя.

«Несколько писателей создали себе имя тем, что пересаживали русскую тоску, русский мистицизм, русскую никчемность, русское отчаяние, русское безволие на почву Сарри или Мичигана, Бруклина или Клэпема». Или дальше: «Нужно признать, что подражать Чехову нетрудно. Я на горьком опыте убедился, что десятки русских эмигрантов делают это очень ловко».

Создается впечатление, что Сомерсет Моэм полагает, будто мистицизм и никчемность, безволие и отчаяние — это качества, присущие русскому народу.

Неужели английский писатель, знающий русский язык, побывавший в России в

1917 году судил о русском характере по контрреволюционерам-эсерам, о которых он так язвительно отзывался, по колебаниям, апатии и напыщенным декларациям этих людей? Или он судил по русским эмигрантам, этим обанкротившимся «знатокам», которые до сих пор пытаются разменять подлинную русскую действительность на стертые пятаки «*à me slave*», какой-то особенной «славянской души»?

«Подводя итоги» Моэм написал двадцать лет назад, но странно, что и сейчас, когда уже пятое десятилетие партия, созданная Лениным, успешно ведет народы Советского Союза к коммунизму, находятся люди, которые толкуют о русском «безволии» и «никчемности».

За рубежом любят рассуждать о безволии, тоске и отчаянии персонажей Чехова. Английские писатели и критики почему-то обычно обходят именно те произведения Чехова, которые по справедливости можно назвать самыми сильными, совершенными из всего созданного им. Как будто Чехов писал только о хмурых людях, о вялых, безвольных интеллигентах.

Конечно, и в России были люди, предпочитающие чеховские рассказы о русских безвольных и никчемных интеллигентах. Но многие знали другого Чехова. Например, Эртель, даровитый русский писатель, автор «Гардениных», после опубликования рассказа «Убийство» писал о Чехове: «...я рад за него — за то, что полоса скучных, «невзрачных», туманных вещей, вроде «Три года», очевидно прошла для него, и он вновь — сильный, искренний, глубокий талант с ой-ой каким царем в голове!»

Два десятилетия спустя Маяковский просто и точно выразил приблизительно ту же мысль: «Из-за привычной обывателю фигуры ничем не довольного нытика, ходатая перед обществом за «смешных людей», Чехова — «певца сумерек» выступают линии другого Чехова — сильного, веселого художника слова».

Вот что дальше пишет о Чехове Сомерсет Моэм:

«Человек он был, видимо, бодрый и энергичный...» Засим следует «но»: «Но творчество его отмечено унынием и грустью». С этим «но» никак нельзя согласиться, не все творчество Чехова отмечено грустью и унынием. Правда, действительность в то время, когда жил и работал Чехов, была

нерадостной, но тем более ценны для нас обнадеживающие ноты в его творчестве.

«Он видел жизнь в одном цвете. Персонажи его не отличаются резко выраженной индивидуальностью. Как люди они его, видимо, не очень интересовали», — пишет Моэм.

Здесь все неверно. Для примера возьмем только сравнительно недолгий период работы Чехова, 1888—1889 годы, когда писатель еще не достиг тридцати лет и когда были созданы «Степь», «Припадок», «Пари», «Красавицы», «Именины», «Скучная история».

Какое разнообразие и широта тем, какая глубина и разносторонность восприятия!

Поэма о южнорусской степи, где Чехов знал каждый родничок, каждую балочку.

«Припадок» — рассказ об ответственности каждого члена общества перед жертвами социального строя.

Драматическая новелла «Пари» — с законченным, стройным сюжетом, лирический этюд «Красавицы», «Именины» — проникнутый грустной иронией рассказ из жизни интеллигентного общества, претендующего на духовное наследие шестидесятников, и, наконец, «Скучная история».

Эти шесть произведений написаны в один год с небольшим. Но разве они похожи одно на другое? Где же жизнь «в одном цвете»?

Или обратимся к 1895 году, когда были написаны повесть «Три года», и прелестный рассказ о щенке и волчихе — «Белолобый», и вместе с этим «Убийство» и «Ариадна». Где же одноцветность?

В только что приведенном высказывании Моэма мы встречаемся с давно знакомыми попытками представить Чехова меланхолическим скептиком. К тому же суждение английского писателя о Чехове отдает некой снисходительностью авгура, претензией вкратце объяснить сущность его творчества и указать место в литературе.

В действительности Чехова интересовали только люди. Разные характеры, разные натуры — люди хорошие и дурные, добрые и злые, умные и глупые. Но разве не ясно, кому сочувствует и кого осуждает Чехов? В литературе немного произведений, подобных рассказу «Горе», повествующему о жизни токаря Григория Петрова, смерти его многострадальной жены и мечте его «жить сызнова»... Разве рассказ о горестном детстве Ваньки Жукова не вызывает

у нас щемящее чувство гнева и жалости? Можно ли усомниться в том, что Чехов — на стороне Астрова в пьесе «Дядя Ваня» и Кириллова в рассказе «Враги»?

Чехов никогда не был бесстрастным художником.

Он умел писать с кажущимся внешним спокойствием, которое только усиливает воздействие его произведений. Иногда это спокойствие сменяется горечью или даже гневом, но тотчас Чехов смягчает острое чувство горечи, охватившее его героя, которого он менее всего хочет представить «героем». В рассказе «Княгиня» он снижает значение обличительной речи доктора Миханла Ивановича, вынуждая его просить прощение у княгини. Но ведь от этого только сильнее ощущение горечи, сознание несправедливости, лежащей в основе жизни того мира, от которого холодно отворачивался Чехов.

Умная, тонкая ирония Чехова позволила ему в рассказе «Случай из практики» тотчас после горестных размышлений Королева о фабричных, работающих без отдыха, живущих впроголодь, и о так называемых «хозяевах», которые пользуются выгодами их труда, — показать этого же Королева, ординатора знаменитого профессора, в хорошей коляске, греющегося на солнышке и с приятностью мечтающего о том времени, когда жизнь будет такой же светлой и радостной, как это тихое воскресное утро. Как же представляет себе Королев эту жизнь? «Должно быть, побросают все и уйдут... Мало ли куда можно уйти хорошему, умному человеку».

Этот рассказ был написан в конце 1898 года, и через девятнадцать лет умные люди, как известно, не побросали все и не ушли, как полагал Королев. Они взяли в свои руки фабрики и заводы. Так случилось и на той фабрике, владельцу которой посетил доктор Королев. И даже не ради образа Ляликовой и Королева написан этот рассказ. Что побудило Чехова написать его — ясно из его записной книжки: «Взглянешь на фабрику, где-нибудь в захолустье. И тихо, смирно, но если взглянуть вовнутрь, какое непроходимое невежество хозяев, тупой эгоизм, какое безнадежное состояние рабочих...»

Английский писатель хочет показать отрешенность Чехова от жизни, его равнодушие к страданиям людей. Он пишет: «Его юмор, зачастую такой горестный — это ре-

акция болезненно чувствительного человека на непрестанное, мучительное раздражение». Так ли это? Только ли реакция на раздражение?

Для примера возьмем «Мужики» Чехова: «Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания. Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожан, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее. Те, которые богаче и сильнее их, помочь не могут, так как сами грубы, нечестны, нетрезвы и сами бранятся так же отвратительно; самый мелкий чиновник или приказчик обходится с мужиками, как с бродягами, и даже старшинам и церковным старостам говорит «ты» и думает, что имеет на это право. Да и может ли быть какая-нибудь помощь от людей корыстолюбивых, жадных, развратных, ленивых, которые наезжают в деревню только затем, чтобы оскорбить, обобрать, напугать?»

Английский писатель мог бы глубже понять русского хотя бы потому, что Чехов был врач и никогда не отказывался от этой первой своей профессии. Сомерсет Моэм тоже высоко ставит профессию врача («Я не знаю лучшей школы для писателя, чем профессия врача»), и он должен был бы знать, что профессия врача в России требовала от человека большой любви к страждущим, она обязывала его к самоотверженной работе «на голоде», «на холере». В помощи своему народу заключался традиционный долг русских врачей, вышедших из демократической интеллигенции. Чехов — писатель и врач — не мог мириться с бедствиями народа, которые видел на каждом шагу. Когда знакомишься с галереей созданных им образов, тебя покоряет спокойный ритм его повествования, сквозящая между строк ирония, однако понимаешь, кому сочувствует Чехов.

В августе 1958 года Сомерсет Моэм, в письме к автору этих страниц, писал:

«Этой осенью я выпускаю том очерков — один из которых посвящен короткому рассказу. В нем я, конечно, уделяю много места Чехову и я думаю, что Вам будет приятно это узнать. Он не только был великим писателем коротких рассказов, но вполне очевидно очаровательным человеком».

Книга очерков «Points of view» недавно вышла в свет. В ней о творчестве Чехова сказано немало ценного и справедливого, но, как мне кажется, все же не опровергнуто то, что сказано о Чехове в книге «Подводя итоги».

2

«Чехов превосходно писал рассказы, но талант его не был универсален, и он благо-разумно держался в пределах своих возможностей. Он не умел построить сжатую, драматическую новеллу, из тех, что можно с успехом рассказать за обедом, как «Ожерелье» или «Наследство» (новеллы Мопассана.—Л. Н.)... Ему, как писателю, претил насыщенный действием сюжет и всякое излишество»,— утверждал Мюэн.

Прежде всего, Чехов отлично умел строить сюжет рассказа—вспомним хотя бы «Пари», историю человека, добровольно, на пари подвергнувшего себя долговому одиночному заключению, или юмористический авантюрный рассказ «Шведская спичка». Чехов не отказывался от увлекательной завязки и одну замечательную свою повесть построил по всем законам авантюрной литературы.

Я имею в виду маленькую повесть (в одном письме Чехов называет ее «либеральной») «Рассказ неизвестного человека», написанную с редкой убедительностью и пониманием психологии людей и времени. Но замечателен «Рассказ» не только завязкой или сюжетом—в нем раскрывается целая полоса политической жизни русской интеллигенции в годы жесточайшей реакции, наступившей вслед за убийством Александра II.

Революционер-террорист поступает в услужение к сыну важного сановника под видом лакея. Поверхностно и мелко развил бы такой, казалось бы, авантюрный сюжет сочинитель увлекательного чтения. Самые острые, выигрышные, с точки зрения авантюрной литературы, положения Чехов делает жизненными, бытовыми.

«Неизвестный человек» по причинам, «о которых не время говорить подробно», хочет уничтожить «врага своего дела», важного сановника.

Именно уничтожить, потому что не бумаги и записки, которые он рассчитывает найти на столе Георгия Ивановича Орлова—сына сановника, не планы и намерения Орлова-отца вынуждают морского офи-

цера наняться в лакеи к петербургскому чиновнику.

Чехов писал, что рассказ ведется от лица «бывшего социалиста», а фигурирует в нем в качестве «героя № 1» сын товарища министра внутренних дел. Суворин, после того как Чехов прочел ему первые 20 строк повести и рассказал о ее стержне, заметил: «Я бы не решился это напечатать».

Чехов писал повесть в 1887—1888 годах (напечатан «Рассказ неизвестного человека» в 1893 году). В мае 1887 года были казнены Александр Ульянов и его товарищи—участники покушения на жизнь Александра III. Событие это, разумеется, нашло отклик во всех слоях общества. Не вполне осведомленный в сложных процессах, происходивших среди бывших народолюбцев, Чехов чутьем писателя понимал и те причины, которые привели к разгрому «Народной воли», и обреченность попыток свергнуть деспотическую царскую власть путем политических убийств.

«Герой № 1»—сын петербургского сановника, камер-юнкер Георгий Иванович Орлов—фальшивый и бездушный петербургский чиновник, у которого всегда была наготове ирония, «точно щит у дикаря». Его приятели—Кокушкин, «человек с манерами ящерицы», «карьерист не до мозга костей, а глубже, до последней капли крови», затем Грузин—«натура рыхлая, ленивая до полного равнодушия к себе», наконец Пекарский, считающийся очень умным человеком, однако «все отвлеченное, исчезающее в области мысли и чувства было для него непонятно и скучно». Таковы люди, с которыми вынужден общаться «лакей Степан». Уже одни только характеристики «героев» придают повести обличительный характер.

В рассказе каждый образ, даже эпизодический, выписан так лаконично, рельефно, резко, что уж никак не скажешь, что у персонажей Чехова «нет четких границ, и все они сливаются друг с другом», как писал Сомерсет Моэм.

Для того, чтобы создать «Рассказ неизвестного человека», Чехову надо было чувствовать и знать, чем жили люди его времени во второй половине восьмидесятых годов, понимать глубокое разочарование, охватившее деятелей «Народной воли».

События, о которых рассказано в «маленькой повести»,—драматичны. Но с каким кажущимся спокойствием рассказал о

них Чехов. Об этой удивительной особенности таланта Чехова очень верно писал Джон Голсуорси: «Великая победа Чехова заключается в том, что он сумел сделать спокойствие волнующим, как волнует прерия или пустыня всякого, кто впервые встречается с ними. Как он этого добился — это его секрет, прямо говоря не всем доступный».

Нет, не убедительно довольно ходкое утверждение, будто Чехов вообще был против «драматического действия» в новелле и хотел полностью «раскрепостить» рассказ от власти сюжета. Правда, он создал много рассказов, не имеющих сюжетного стержня, рассказов как будто бы «ни о чем». Рассказы такого рода писали многие современники Чехова — Потапенко, Щепкина-Куперник и другие. Но нетрудно увидеть, что творчество Чехова — нечто несоизмеримое по сравнению с их художочными, вялыми произведениями.

Олдос Хаксли в книге «Along the Road» пишет, что рассказы Чехова «утомляют», объясняя это тем, что Чехов «не разглядывает своих людей через окошки», а «живет вместе с ними», а так как его персонажи «хмурые», «скучные» люди, то, по мнению Олдоса Хаксли, они утомляют. Но разве плохо «жить» со своими персонажами, разве нельзя писать талантливо, интересно, своеобразно даже о скучных людях? В жизни встречаются не одни только оригинальные, сильные характеры, не одни только «герои».

Мне кажется, что самым убедительным ответом на это замечание Олдоса Хаксли является суждение Томаса Манна в его статье, написанной к пятидесятилетию со дня кончины Чехова: «Это («Скучная история».— Л. Н.) совершенно необыкновенная, чарующая вещь, во всей литературе не сыскать ничего похожего на нее: сила ее воздействия, ее особенность — в тихом, грустном тоне. Эта история вызывает удивление, хотя бы уже по одному тому, что именуется «скучной», в то время как она потрясает; вдобавок она написана молодым человеком, которому не было еще и тридцати лет; вложена она с предельным проникновением в уста старика, ученого с мировым именем, генерала по званию, «его превосходительства», который в своих излияниях сам себя часто так и именует: «мое превосходительство», что должно означать: «подумаешь, важность какая!» Ибо, не-

смотря на то, что он стоит достаточно высоко на официальной иерархической лестнице, он не утратил способности к самокритике и критике, духовно не оскудел настолько, чтобы свою знаменитость и то почтение, которое ему оказывают, не находить глупым и в итоге не прийти в отчаяние, обнаружив, что в его жизни со всеми ее заслугами не доставало духовного центра, «общей идеи», что по существу это была бессмысленная жизнь, жизнь отчаявшегося человека».

Чехов однажды сказал, отвечая своим критикам: «Я составляю материал — хороший или дурной, все равно... для людей, посвятивших себя изучению жизни, я так же нужен, как для астрономов звезда». Потому Лев Толстой и назвал Чехова «художником жизни».

Рассказы Чехова о серых, скучных людях написаны с таким совершенством, что утомлять читателя не могут: писатель порой показывает своего героя в такой драматической ситуации, которая не придет в голову самому изобретательному мастеру авантюрного романа. Но главное — в другом. Рисуя равнодушных, опустившихся людей, Чехов создает подчас произведения огромного обличительного значения. «Палата № 6» — убедительный тому пример.

Интересно, что и в Англии отметили обличительный характер повести. Писатель Арнольд Беннет назвал «Палату № 6» «необыкновенной и страшной историей». Это не понравилось писателю-эмигранту М. Алданову, заметившему, что «ведь и в старой России не каждый день врачи попадали в те дома умалишенных, где прежде сами лечили». Эмигрантские писатели очень тревожились, когда старая Россия представлялась недостаточно уважительно перед иностранцами.

За границей гораздо меньше внимания привлекли произведения Чехова «из народной жизни». Между тем, мы знаем замечательную повесть «В овраге», о которой восторженно отзывался Горький. Иван Бунин называл ее произведением мирового значения. С ним надо согласиться. «В овраге» — одно из лучших творений Чехова. Если бы за подобный сюжет взялся писатель-народник, русская литература, вероятно, получила бы еще одно слащавое, сентиментальное повествование с прописной моралью. Чехов же создал произведение, которое по праву стоит рядом с «Фальшивым купоном» Льва

Толстого, и критики (на которых так не велю Чехову) не имели на этот раз возможности упрекнуть Чехова в том, что он описывал мужиков и мещан с точки зрения интеллигента.

Повесть «В овраге» на Западе почти не привлекла внимания, и вернее всего потому, что критики-эмигранты и некоторые иностранные писатели старались изобразить Чехова писателем, чуждым идейной направленности, пессимистом, певцом уныния и скорби. Между тем, даже в такой, казалось бы, безотрадной повести, как «В овраге», есть воодушевляющие жизнерадостные ноты: «Жизнь долгая, — будет еще и хорошего и дурного, всего будет. Велика матушка Россия!» — говорит старик, встреченный Липой в самую тяжкую пору ее жизни. Или слова Елизарова, по прозвищу Костыль, о том, кто же старше: купец первой гильдии или плотник. «Оно так, деточки. Кто трудится, кто терпит, тот и старше...» Долго терпели те, кто трудился. Но уже не хватало этого железного терпения. Кончается повесть далеко не безнадежно, скорее даже светло и радостно.

«Шли бабы и девки толпой со станции, где они нагружали вагоны кирпичом, и носы и щеки под глазами у них были покрыты красной кирпичной пылью. Они пели. Впереди всех шла Липа и пела тонким голосом, и заливалась, глядя вверх на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава богу, кончился и можно отдохнуть».

Иногда Чехов находил нужным прямо говорить о зле, которое окружало его, и делал это, не боясь упреков в тенденциозности. Чехов знал, какими художественными средствами воздействовать сильнее на читателя. В частности, он поражает нас тонкостью художественных приемов в описании природы. В уста писателя Тригорина он вложил многое из собственных размышлений:

«...Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека».

После Октябрьской революции, в двадцатых годах, в разных странах Европы осели литераторы-эмигранты. Не брезгуя никакой клеветой на Советскую власть, они провоз-

глашали себя единственными хранителями традиций русской литературы. Многие на Западе к ним прислушивались в ту пору, считая их как бы «экспертами», признанными знатоками русской действительности. Эмигрантам выгодно было изображать Чехова певцом безнадежности, безволия, тоски и повторять то, что писали еще при жизни Чехова в России.

К этому сводится, например, рассуждение Льва Шестова, который усматривал смысл творчества Чехова в том, что писатель якобы «теми или иными способами убивал человеческие надежды».

Из всех нелепостей, которые были написаны о Чехове, первое место занимает все-таки высокомерная и ложнозначительная чепуха Зинаиды Гиппиус:

«В Чехове был гений неподвижности...»

«Родился сорокалетним и умер сорокалетним, как бы в собственном зените».

Но эти явные нелепости как-никак оказывали влияние на суждения зарубежных писателей и читателей.

Летом прошлого года, будучи в Париже, я проходил по кладбищу Сен-Женевьев и там среди могильных памятников, испещренных русскими фамилиями, в том числе и особититулованных, я увидел фамилии «Гиппиус», «Мережковский». Я замедлил шаги, чему слегка удивился мой молодой спутник: эти имена ему ровно ничего не говорили. Подумать только, эти люди посмели судить великого писателя, судить с высоты своего мнимого величия и мнимого авторитета у «избранной публики»!

3

Незадолго до смерти Бунин решил донести свои воспоминания о Чехове, создать литературный портрет писателя. Он стал собирать и изучать материал, делать обширные выписки и заметки. В 1953 году Бунин скончался, не завершив своего труда. Три года спустя рукопись «Чехов» была издана в Нью-Йорке.

Единственным писателем, которого после Толстого чтит и любил Бунин, был Чехов. Но даже у Чехова Бунин находил недостатки.

Бунин утверждает, что Чехов не знал жизни в помещичьих усадьбах. Между тем, Чехов жил у Киселевых в Бабкине, знал московского барина помещика Бегичева, с которого написан граф Шабельский в «Иванове», подолгу гостил в усадьбе Линтваре-

вых близ города Сумы, писал в письмах о старых запущенных садах, о забытых наглухо, очень поэтичных и грустных усадьбах, в которых живут души красивых женщин, о старых, дышащих на ладан лакеях...

Даже если бы персонажи пьес Чехова и усадебная жизнь в его пьесах были бы плодом поэтического вымысла, то и тогда эта драматургия, столь далекая от искусственных драматических коллизий, от надуманных банальных диалогов, от эффектных реплик «под занавес», от всего того, что было в пьесах Потапенко, Сумбатова, Щеглова, — открывала новое, своеобразное, доводила до совершенства искусство «подтекста», и это было ново не только для русского театра. Англичанин Пристли понимал это тоньше и глубже, чем одаренный русский писатель Бунин. «Своим магическим даром Чехов освободил современного драматурга от цепей условностей», — писал Пристли.

Бунин осмеивает призыв Трофимова в пьесе «Вишневый сад»: «Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там, вдали!» Между тем Пристли принимает патетику в пьесах Чехова: «Он принес в театр свое великое предвидение, горячую надежду на человечество, глубокое, неизъяснимое чувство сострадания».

Замечательный сатирик Бернард Шоу открывал нечто другое в пьесах Чехова. Шоу прежде всего видел в Чехове одного из великих европейских драматургов: «...Чехов сияет, как звезда первой величины, даже рядом с Толстым и Тургеневым». И Чехов был для Шоу не только современником, но почти учителем «Уже в пору творческой зрелости я был очарован его драматическими решениями темы никчемности культурных бездельников, не занимающихся созидательным трудом».

Чехов оказал влияние на европейских и американских писателей не только как драматург. «...Ему доступно видение скрытых глубин, поднимающее его картины над мелким и ограниченным уровнем западно-европейской беллетристики», — утверждает Эдуард Гарнет.

Неуловимо своеобразная, но столь ошутимая манера повествования Чехова, то грустная, то жизнерадостная поэтичность, свойственная ему, тонкое восприятие явлений жизни, его громадный талант — все это в полную силу запечатлелось в повести «Степь». Эта волшебная повесть оказывает

неотразимое воздействие, которое особенно ясно проявилось в творчестве некоторых писателей Англии и Америки. В одном из рассказов Уильяма Сарояна с несколько странным названием «Весь свят и сами небеса» повествуется о девятилетнем мальчике, который странствует со своим отцом, безработным, по просторам Америки в стареньком автофургоне, без денег, без надежды на будущее. Мир, видимый глазами девятилетнего мальчика, разлученного с другом-сверстником, внутренняя драма его отца, навсегда ушедшего от матери мальчика, — все это передано в знакомой манере Чехова, как бы мимоходом. Между тем фургон движется к морю, и всё вокруг — сама природа, городок на пути скитальцев — все проникнуто настроением, знакомым по чеховской «Степи»... Здесь нет увлекательной фабулы, острого сюжета. Это рассказ «ни о чем», но вместе с тем нас неотразимо пленяет открывающийся духовный мир человека, и не только нас, но и тех, кто далек от нас по мировоззрению, социальному строю, укладу жизни.

Чехов не верил тому, что произведения его обретут мировую славу. Но он взыскательно относился к переводам на иностранные языки — и не только своих произведений, но и других русских писателей.

«Поставили пьесу только для того, чтобы французы лишний раз поломались и авторитетно посудачили о том, что для них нестерпимо скучно и непонятно», — писал он о постановке «Грозы» Островского в Париже в 1889 году. В другом месте он объясняет свое строгое отношение к переводам произведений русских писателей на иностранные языки: «Я бы всех этих переводчиков сослал в Сибирь за непатриотизм и легкомыслие».

Это, конечно, шутка, но сколько в ней правды! Если бы некоторые наши современные писатели рассуждали так же, не слишком радуясь сомнительному успеху их произведений за границей!

Это замечание говорит нам еще и о том хорошем чувстве патриотизма, которое было у Чехова. Ему претило снисходительное, высокомерное отношение иностранной читающей публики и зрителей к тому, что составляло трагедию русского народа, русской действительности в черные годы Александра III, Победоносцева, Делянова...

Правда и то, что Чехов не переносил ханжеской, дидактической благотворительно-

сти, самоутешительных «мелких дел», либеральных дамочек с их вздохами о «святом нашем страдалце-народе». Один из его героев говорил: «По-моему, медицинские пункты, школы, библиотечки, аптечки при существующих условиях служат только порабощению. Народ опутан цепью великой, и вы не рубите этой цепи, а лишь прибавляете новые звенья — вот мое убеждение».

Кажется, нельзя было резче и прямее сказать о той цепи, которая сковывала народ, но успокоиться на отрицании «мелких дел» Чехов не мог, он всеми своими знаниями, опытом стремился непосредственно помогать народу, скромно и самоотверженно. Он как врач старался облегчить страдания бедноты, страдания народа, лечил, ездил на голод и холеру, видел сахалинский ад. Он жил тем, чем жила в те годы лучшая часть русской демократической интеллигенции.

В 1888 году Чехов писал Плещееву: «Политики у нас нет, в революцию мы не верим, бога нет, привидений мы не боимся...» Слова эти звучат скорее неодобрительно. О Дымове из рассказа «Степь» Чехов говорил, что такие озорники создаются жизнью не для раскола, не для бродяжничества, не для очередного жития (жития святых), а прямехонько для революции. Дымов — бунтарь, протестант по природе, человек необыкновенный, не довольный бытием. И такие люди привлекали внимание писателя.

Вересаев, Телешов свидетельствуют о жадном интересе Чехова к событиям русско-японской войны, к тем революционным настроениям, которые тогда чувствовались в воздухе. Этому мы вполне верим. «Нередко Чехов говорил о революции, которая неизбежно и скоро будет в России», — пишет Телешов.

Попытки приписать Чехову равнодушие к общественной жизни, отсутствие «гражданственности» делались для того, чтобы утвердить лживую теорию, будто можно быть великим художником слова и при этом оставаться равнодушным к окружающему, к несправедливости и бездушию, к угнетению человека человеком.

Прав один из друзей Чехова, называвший его «необычайно общественным человеком». Да, революционером Чехова, конечно, не назовешь, но он был преисполнен сочувствия к своему народу, у него была не «холодная кровь», он действительно жил со своими героями, и все в их духовной жизни его интересовало, потому что он был «художник жизни», как его именовал Лев Толстой. А какое звание для писателя может быть выше этого?

Это следует понять зарубежным почитателям громадного таланта Чехова и оставить наивные и давно уже потерявшие смысл рассуждения об *âme slave*, какой-то особой загадочной «славянской души», о русской никчемности, безволии, тоске и пессимизме, которые будто бы пронизывают произведения Чехова. Однажды Чехов сказал Бунину о себе, что его скоро забудут. Те же слова Чехова повторила в своих воспоминаниях Т. Л. Щепкина-Куперник, однако с таким добавлением: «Но потом пройдет еще некоторое время, и меня опять начнут читать и тогда уже будут читать долго». Так и произошло в действительности.

Уроки Чехова драгоценны, — мы видим, как они распространились по всему миру.

Писатель, ученый, мыслитель Лу Синь, подчеркивая, что между культурой Китая и России всегда существовала тесная связь, писал: «Чехов является моим самым любимым писателем».

Восток и Запад в равной степени почитают творчество русского писателя, столь близкого нашему времени.

Советские писатели готовятся к своему Всесоюзному съезду. Не было ни одного сколько-нибудь важного собрания литераторов, где не говорили бы об уроках Чехова, о его благородной человечности, чувстве гражданственности, поразительном мастерстве художника. И сейчас, накануне съезда советских писателей, мы вновь отдадим должное светлому образу великого русского писателя, его урокам, столь драгоценным для литературы всего человечества.

